ЗАПОРОЖСКАЯ
СТАРИНА.

ЧАСТЬ I.

Gluoho wszędzie, ciemno wszędzie!
Mickiewicz.

Такъ вѣчной памяти бывало
У насъ въ Гетьманьщинѣ коли-сь.
Котляревскій.

ХАРЬКОВЪ.
Въ Университетской Типографіи.
1833.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи предоставлены были въ Цензурный Комитетъ пять экземпляровъ. Москва, Мая 19 дня 1833.

Цензоръ Дашубскій.

Запорожская Старина.

ПѢСНИ и ДУМЫ

о

лицахъ и событіяхъ до Богдана Хмельницкаго.

Издавая въ свѣтъ мое собраніе Запорожскихъ пѣсень и думъ, я имѣю въ виду оказать услугу, хотя и маловажную, не однимъ любителямъ народной поэзіи, но преимущественно любопытствующимъ знать старину Запорожскую, — бытъ, нравы, обычаи, подвиги этого народа воиновъ, который своею храбростію и смѣлостію, своимъ вліяніемъ на весь юго-востокъ Европы и даже малую Азію особенно въ XVII столѣтіи, своимъ страннымъ составомъ, и образомъ жизни, и характеромъ,

будучи отличенъ отъ всего, его окружавшаго, заслужилъ мѣсто въ памяти потомства. Лѣтописи Украинскія повѣствуютъ только о подвигахъ сего народа, касаясь очень рѣдко до внутренней жизни его, и самыя даже подвиги описываютъ иногда кратко, иногда невѣрно, сбивчиво, часто противорѣча одна другой. Еще менѣе заслуживаютъ вниманія лѣтописи Польскія; еще менѣе — лѣтописи Молдавскія, наконецъ Русскія лѣтописи почти ничего не говорятъ о Запорожцахъ. Эта бѣдность исторіи Запорожцевъ въ источникахъ письменныхъ, заставляетъ наблюдателя искать другихъ источниковъ, — и онъ находитъ для своихъ

изслѣдованій богатый, неисчерпаемый рудникъ въ преданіяхъ народныхъ.

Сіи преданія сохраняются въ памяти бандуристовъ, потомковъ тѣхъ бандуристовъ, кои подобно Скальдамъ Скандинавіи сопровождали храбрыхъ вольниковъ Запорожскихъ во всѣ ихъ походы, подобно Скальдамъ возбуждали ихъ къ битвѣ своими пѣснями, подобно Скальдамъ сохраняли для потомства въ пѣснях и думахъ своихъ подвиги храбрыхъ,

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

И доселѣ на Украинѣ есть какъ-бы особенный цѣхъ стари-

ковъ, кои то, подъ названіемъ и ремесломъ нищихъ, то подъ названіемъ и ремесломъ музыкантовъ, бродятъ изъ сёла въ село, и тешатъ народъ своей игрою на бандурѣ, (*) *своими печальными напѣвами пѣсень и думъ старинныхъ, своими расказами про былое.*

Въ памяти сихъ стариковъ, живетъ старина Запорожская, и въ семъ отношеніи сіи старики важные всякихъ лѣтописей. Хотя

(*) Инструментъ въ родѣ гитары о 12-ти и даже о 28 струнахъ. *Нечаевъ* упоминаетъ о *пандурѣ*, похожемъ на цитру и употребляемомъ Горцами. См. Поляр. Звѣзду на 1825, стр. 235.

преданія о старинѣ, ими разказываемыя, и подлежатъ строгой критикѣ, но тѣмъ не менѣе почти необходимы для всякаго, кто желаетъ знать исторію Запорожцевъ и даже остальной Украины. Что касается до событій, до внѣшней исторіи народа, какъ называютъ Нѣмцы, то въ сихъ преданіяхъ могутъ быть ошибки въ мелочахъ, — въ именахъ собственныхъ, въ послѣдовательности произшествій. Этого рода преданія можно повѣрить лѣтописями, еще лучше свѣрить ихъ между собою; ибо ни ложь ни ошибка не можетъ быть общею, одинъ бандуристъ скажетъ такъ, другой иначе; критика можетъ отличить истину отъ вы-

мысла. Другой родъ преданій бандуристовъ—о бытѣ, нравахъ, обычаяхъ Запорожцевъ, т. е. о всемъ, что касается до внутренней исторіи. Эти преданія рѣшительно драгоцѣнны, ибо единственны въ своемъ родѣ и по содержанію, и по обширности.—Главная отрасль преданій бандуристовъ того и другаго рода суть пѣсни и думы.

И кто можетъ слушать безъ соучастія эти пѣсни и думы, въ которыхъ старина Запорожская отразилась такими вѣрными, живописными очерками, — старина, исполненная жизни хотя и грубой, но величественной, поэтической! Въ пѣсняхъ и думахъ Запорожскихъ вы не найдете ни чопорнаго слад-

согласія, ни изнѣженности чувствъ, ни роскоши выраженій. Нѣтъ! въ нихъ все дико, подобно дубровамъ и степямъ, воспринявшимъ ихъ на лоно свое при рожденіи, — все порывисто подобно полету урагана степнаго, подъ глухія завыванья котораго онъ взлелѣяны, — все бурно, подобно минувшей жизни Запорожья. Нѣжное чувство нерѣдко пробивается сквозь грубую оболочку оныхъ, но какъ кипучая волна Ненасытенецкой пучины Пекла среди холода зимняго сквозь прозрачную кору льда, ее покрывающую, — пробивается, и застываетъ на окой. То пѣсни юноши, коего сердце, почерствѣвши для умильнаго чувства любви, суровое,

непреклонное, радуется одною радостію побѣды и добычи, — питается однимъ желаніемъ битвъ, — юноши, который, неравнодушно взирая на погибель своихъ сподвижниковъ, съ отчаяніемъ отмщевая за смерть ихъ врагамъ, равнодушно ждетъ собственной своей участи, равнодушно, съ надеждою жить въ памяти потомства: эти пѣсни дышатъ отвагой, самонадѣянностію.— То думы старца: убѣленная лѣтами голова его покоится на изголовьи могилы, готовой принять его въ свои нѣдра; его надежды исчезли будто дымъ сновидѣній; но его душѣ осталась еще одна услада, — то воспоминанія минувшаго, то звуки бандуры, ихъ возбужда-

ющіе; и взоры его, прежде пылавшіе буйнымъ пламенемъ воинственности, теперь померкшіе, испепелившіеся, блистаютъ слезой печали о минувшемъ; и голосъ его, уже увядшій, тихій, едва внятный, оживляется, мужаетъ, повторяя въ унылыхъ напѣвахъ преданія своего времени, своего поколѣнія: въ думахъ нѣтъ той непринужденности, той свободы чувства, которая горитъ въ пѣснях; въ нихъ смѣнила ее старческая вялость, нестройность чувства, хотя и глубокаго, и самобытнаго.—Въ пѣснях выразилась лирика и драматика народной поэзіи Запорожцевъ; въ думахъ — мрачный, холодный эпизмъ.

Таковъ общій характеръ думъ и пѣсней Запорожскихъ, кои, будучи любопытны для всякаго литератора — беллетристика, важны для историка и этнографа. Подчиненныя музыкѣ, будучи вытверживаемы слово въ слово, или почти такъ, онѣ подлежали меньшему вліянію времени, правильнѣе сохранили свое содержаніе, и кромѣ своего содержанія любопытны какъ произведенія народныя, носящія на себѣ отпечатокъ вкуса, мнѣній, наклонностей народа: онѣ суть памятники не только о старинѣ, но и старины. Разсматривая пѣсни и думы Запорожскія со стороны ихъ народности, находимъ, что многія изъ нихъ очень древни, что

доказываетъ и образъ повѣствованія, и языкъ: относительно образа повѣствованія должно замѣтить, что во многихъ думахъ говорится о повѣствуемыхъ событіяхъ какъ о недавнопрошедшихъ, или даже и настоящихъ; языкъ многихъ изъ нихъ, какъ замѣтилъ уже и К. Цертелевъ, устарѣлъ и для самыхъ Украинцевъ, между тѣмъ какъ языкъ народа необразованнаго, т. е. не имѣющаго своей письменной литературы, измѣняется чрезвычайно слабо и медленно.

Пѣсни и думы Запорожскія по предмету можно раздѣлить вообще на два рода: первый родъ заключаетъ въ себѣ пѣсни и думы, собственно историческія, т. е. имѣ-

ющія предметомъ повѣствованіе о событіяхъ и лицахъ историческихъ; второй родъ можно назвать этнографическимъ, онъ заключаетъ въ себѣ пѣсни походныя, разгульныя, сатирическія, — думы правоучительныя, религіозныя, и пр. Первый родъ важенъ преимущественно для внѣшней исторіи Запорожцевъ, второй для исторіи внутренней. Сіе раздѣленіе употребилъ я и въ настоящемъ изданіи. Сіе первое собраніе заключаетъ въ себѣ пѣсни и думы объ историческихъ лицахъ и событіяхъ до Богдана Хмѣльницкаго.

Остается мнѣ сказать о средствахъ, коими я пользовался для сего изданія. До сего времени пѣ-

сень и думъ Запорожскихъ издано было очень мало: К. Цертелевъ издалъ семь думъ и одну пѣсню, Максимовичъ — около двадцати пѣсень; всего неболѣе 40 пьесъ, между коими только пятая часть историческихъ. Эта малоизвѣстность памятниковъ поэзіи Запорожской и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренность въ пользѣ оныхъ для исторіи Запорожцевъ — побудили меня заняться собираніемъ оныхъ, и наконецъ я при помощи многихъ особъ, почтившихъ занятія мои своимъ содѣйствіемъ, послѣ семилѣтняго труда, успѣлъ собрать довольно значительное количество какъ думъ и пѣсней, такъ и другаго рода преданій. Не все собрано самимъ мною;

большая часть доставлена другими. Я старался съ своей стороны повѣрить самъ лично все доставленное, исправить ошибки, находившіяся въ различныхъ спискахъ, сверить списки, выбрать изъ нихъ лучшее, — наконецъ сдѣлать собраніе свое сколько возможно полнѣйшимъ и правильнѣйшимъ. Не думаю, чтобы въ сей первой тетради были всѣ пѣсни и думы, относящіяся къ историческимъ событіямъ и лицамъ до Богдана Хмельницкаго: можетъ быть здѣсь нѣтъ и половины, и того болѣе; по крайней мѣрѣ я сдѣлалъ все что могъ; впрочемъ, предоставляя другимъ сдѣлать лучше, я не отказываюсь отъ продолженія сего труда, и все, что

вновь соберу, буду издавать въ Дополненіяхъ. Въ сей тетради помѣщены подлинники пѣсень и думъ, и варіанты. Не прилагаю словаря, надѣясь современемъ издать полный словарь Украинско-Запорожскаго нарѣчія.

Наконецъ, — я употребилъ для пѣсней и думъ Запорожскихъ свое правописаніе, и потому нахожу нужнымъ представить главныя основанія онаго.

До сего времени появилось очень много мнѣній и правилъ относительно правописанія для языка Украинскаго; но большая часть сподвижниковъ на семъ поприщѣ отличались или любовію къ чумацкой грубости выговора, или топор-

ностію и многообразіемъ своихъ правилъ. Болье другихъ любопытны мнѣнія Максимовича, изложенныя въ Предисловіи къ его собранію Малороссійскихъ пѣсень. Видно, Максимовичъ вѣрно подслушалъ мѣстные выговоры; но его правописаніе, будучи совершенно противно общему мнѣнію и употребленію, заведенному издавна, и притомъ неполно выражено въ правилахъ, не можетъ быть употребляемо вездѣ и всегда. Надобно было сохранить правильность выговора, не отдаляясь отъ общественнаго употребленія, — и между тѣмъ, для пользы самаго же языка не оставить безъ вниманія этимологію. Я нарочно пересматри-

валъ всѣ лѣтописи, бумаги, письма, — словомъ все, что попадалось мнѣ подъ руки писаннаго на Украинскомъ языкѣ; прислушивался къ различнымъ мнѣніямъ; и наконецъ, сообразивши все, вывелъ для себя свои правила правописанія Украинскаго. Я почитаю ихъ самими лучшими; но, будучи подверженъ возможности ошибаться, отдаюсь на судъ и толки знатоковъ. Можетъ быть въ моихъ правилахъ найдутся ошибки, недомолвки, перемолвки и т. п. Можетъ быть — а чего не можетъ быть? — Можетъ быть вся связь моихъ правилъ есть одна огромная ошибка. Впрочемъ я вовсе не думаю о самолюбивомъ защищеніи себя и своего; мнѣ да-

же гораздо пріятнье будетъ встрѣтить противниковъ съ доказательствами неосновательности и неправильности моихъ мнѣній, нежели защитниковъ съ похвалами: только отъ первыхъ могу ожидать истиннаго сужденія. И такъ:

1. Согласныя буквы я пишу всегда сльдуя выговору народному, исключая буквъ ф и хв: Украинцы выговариваютъ ф какъ хв, а хв какъ ф.

2. Полугласныя буквы также пишутся по выговору, исключая одинъ случай, когда должно показать корень, напр. въ словѣ вййско (войско) й не выговаривается, но его должно писать, ибо не видно будетъ происхожденія слова; ь въ семъ

словъ хотя и не нужекъ по происхожденію, но его требуетъ выговоръ.

3. Гласныя буквы. Между ними различить должно твердыя отъ мягкихъ:

Твердыя: а, е, и, ы, о, у.
Мягкія: я, é, і, íи, ú, ё, ю.

Твердыя: а, о, у, — выговариваются и употребляются какъ и въ Русскомъ языкѣ; е, употребляясь также какъ въ Русскомъ языкѣ, выговаривается твердо, какъ Русское э, или Французское è; и, ы, — употребляются тамъ же гдѣ и по Русски, но выговариваются иначе, обѣ какъ Польское или Богемское y, т. е. не много мягче Русскаго

ы, имѣя срединный звукъ между Русскимъ ы и э.

Мягкія вообще выговариваются какъ и по Русски, съ тою разницею, что предъ каждою изъ нихъ слышится полугласная ъ; напр: люди — какъ ъюди; ѣхать, по Укр. їхати, выговар. ъихати. Буквы: я, е, ю, — употребляются тамъ-же, гдѣ по Русски; буквы: є ї, — тамъ гдѣ твердыя е, и — выговариваются мягко; і, ї, — гдѣ коренная буква измѣнилась въ звукъ мягкаго и.

Изъ твердыхъ гласныхъ буквъ слѣдующія: е, і, и, ы — выговариваютъ мягко, если предъ ними стоитъ другая гласная буква.

Вотъ все, что я считалъ нуж-

ным объяснить предварительно моим читателям.

Предаю на суд благосклонности труд мой, и не премину воспользоваться советами, если только буду ими удостоен.

И. С.

Варваровка на Днѣпрѣ.
1833 года Апрѣля 2.

ПѢСНИ.

1.

Надеробная пѣснь Свирговскому.

I.

Ой у городи̂ у Черкасѝ
Сурьмы засурьмили;
Якъ шѝ Ляшськи Комиссары
До Гетьмана приходили.

II.

Ой у городи̂ у Черкасѝ
Бубны заорали,
Якъ шѝ Ляшськи Комиссары
До Гетьмана прибували.

III.

Ой, Панъ пышный, Панъ Свирговськiй,
А ще другiй, Панъ Зборовськiй,

IV.

А ще яретій, Морозенко,
А четверпый, Панъ Горленко.

V.

Що изъ Волохами Турокъ дерешься,
А изъ Ташарами Волохъ бьешься.

VI.

Та Волошськи земли руйнуешь,
Плиндруешь, ще й не милуешь.

VII.

Ой, зайржали кони, кони,
Та пйдъ гору йдучи;
Заголосили бусурманы
Та до Киліи идучи.

VIII.

Опъ якъ Панъ Свирговськйй
До Киліи прибувавъ,
Усйхъ Козакйвъ собиравъ,
Та на Радй прохавъ.

IX.

Сизи̂мъ орликомъ ли̂тавъ,
Яворонькомъ гнувся:
Де-сь то я, мои мили̂ братья,
Та й споди̂нуся.

X.

Споди̂нувся Панъ Свирговській
У сырій могили̂,
Якъ Козаки би̂ля ёго
Та загомонили.

XI.

Плакала стара баба Грыциха
Мовь перепелиха, мовь перепелиха;

XII.

Молода сестра сонъ-траву ирвала,
Старую пытала, старую пытала:

XIII.

—Чи той сонъ-трава Козацькая сила?
Чи той сонъ-трава Козацька могила?

XIV.

—Ой, той сонъ-трава, голубонько,
Зростився у полй,
Та пiймала ту траву недоля,
Та дала моiй донй.

XV.

Ой, доня-жъ, доня, моя доня,
Годй сумовати;
Що нашого молодого Йвана
У могилй шукати,

XVI.

У глйбокiй у могилй,
Бйля города, бйля Килiи.

XVII.

Не то батенько сына прощавъ,
Шаблю та зброю дававъ;

XVIII.

А то мати сына выпровожала,
Що слйзьми опрощенье давала,

XIX.

Що слизьми опрощенье давала,
Що на горе собѝ его выгодовала.

2.

Вторая надеробная пѣснь Свирговскому.

I.

Якъ шого Пана Йвана,
Що Свировського Гешьмана,

II.

Та якъ бусурманы пѝймали,
То голову ёму рубали,

III.

Ой голову ёму рубали,
Та на бунчукъ вѝшали.

IV.

Та у сурьмы выйгравали,
Зъ ёго глумовали.

V.

А изъ низу хмара сцйгала,
Що воронйнъ ключа набйгала,

VI.

По Украинй пуманы клала:
А Украина сумовала.

VII.

Ой Украина сумовала,
Свого Гетьмана оплакала.

VIII.

Тодй буйны вйшры завывали.
—Де-жъ вы нашого Гетьмана сподйвали?

IX.

Тодй кречеты налйшали.
—Де-жъ вы нашого Гетьмана жалковали?

X.

Тодй орлы загомонили.
—Де-жъ вы нашого Гетьмана зхоронили?

XI.

Тодѝ жаворонки повилися.
— Де-жъ вы изъ нашимъ Гетьманомъ
проспилися.

XII.

— У глѝбокѝй, умогилѝ,
Бѝля города бѝля Килѝи,
На Турецькѝй линіи.

3.

Убіеніе Серпяги.

I.

Ой у городѝ у Львовѝ
Зашумѝли вербы.
Козакъ бурлакъ вбитый лежитъ
Серпяга па мертвый.

II.

Ой у городѝ у Львовѝ
Задзвонили дзвоны.

Козакъ бурлакъ вбитый лежитъ.
Правлятъ похороны.

III.

А у городи̂ у Каневи̂
Та й заголосили,
Що Серпягу у могилу
Тихо положили.

IV.

Ой Серпягу положили,
Та и заховали;
Та поминъ ша по Украини̂
Поминъ вîдправляли.

4.

Надгробная пѣснь Серпягѣ.

I.

Ой и сила, сила, сила
Силу подолîла,

Серпяговй ша у Львовй
Сподйла могила.

II.

Сподйла могила,
Якъ Волохамъ любо.
Пришинали ша Серпягу
До сухого дуба.

III.

Ой Волохи, ой Волохи!
Зъ чёго-жъ ёго звали?
Що Козакамъ Запорожцамъ
Та израду дали.

IV.

Та израду дали
Господарю своему.
Ой Гешьману Серпяговй
Добро було й дома.

V.

Поминайше-жъ лихомъ
Господаря свого.

Чи ви̂нъ добрый, чи ви̂нъ злюка,
Ой, що вамъ до того.

VI.

Хочъ ви̂нъ добрый, хочъ и злюка,
Абы не падлюка.
Притинайте та Серпягу
До сухого сука.

VII.

Що Серпяга то Серпяга
Брата Жаха мае,
Та ви̂дъ брата, та ви̂дъ Жаха
Поминъ споди̂вае.

5.

Сожженіе Магилева.

I.

Ой у городи̂ Могилеви̂
Дымомъ потягнуло,

Якъ по вiйсько Запорожське
Зъ гармашъ на ревнуло.

II.

Ой у городi Могилевi
Та спалося пусто,
Якъ повiяли Козаки
Зъ самопалiвъ густо.

III.

Ой у городi Могилевi
Орлы на гадюки;
Ляшськимъ шiломъ годуються,
Ляшську шiю радуються.

IV.

Ой у городi Могилевi
Що пни на колоды;
Прилучилося, бачь, лихо,
Ляшськiй породi.

V.

Не такое йще-бъ лихо,
Якъ шая позора,

Що ходишь ша по бѣлу свиту
Зъ двора ша до двора.

VI.

Не шакъ шая позора,
Якъ Козакамъ порада,
Що, Кравчину шануючи,
Ляхамъ далась зрада.

VII.

Далась Ляхамъ зрада
Изъ самого рана
Видъ Гетьмана Наливайка;
Шановного Пана.

6.

Убіеніе Наливайка.

I.

Славна сшала ша Кравчина
Якъ на Польщу сшала,

Вовкулакамъ Каѳоликамъ
Мстючи зраду здала.

II.

Тую зраду, тую зраду,
Що въ мурѣ въ шеминѣ
Зъ Наливайка повзычала
Якъ зъ бѣдной вдовицы.

III.

Вдовинъ сыну, вдовинъ сыну!
Є ще въ тебе брашья;
А въ брашивъ твоихъ Козакивъ
Богацько завзяшья.

IV.

Сходилися всѣ Козаки,
Раду положили,
Та на Радѣ на Полякивъ
Походъ присудили.

V.

Росходилися Козаки
Изъ своеѣ Рады,

Выбирали съ пи̂дъ ками̂ньи̂въ
Великіи клады.

VI.

Клады продавали;
Самопалы куповали;
Куповали самопалы,
Въ походъ выступали.

VII.

А по переду вси̂хъ Голый
Соколомъ ли̂шае;
На конику вороному
Жахомъ выгравае.

VIII.

Привертали Козаченьки
По рану до Случи,
Та зъ гармашы густовали
Католики̂въ звучи.

IX.

А Ляхи й почули
Увъ отви̂шъ ревнули.

Бодай-же имъ тяжко й важко
Що вони ревнули.

X.

Що вони ревнули,
Бйду провйщали;
А Козаки Гайдомаки
Думали й гадали.

XI.

Думали, й гадали;
Думали й гадали;
Тяжко, важко за Гетьманомъ
Своимъ шумовали.

XII.

А въ Варшавй ша на Радй
Та судьи судили;
Та въ волу спалити
Наливайка присудили.

XIII.

Присудили Наливайка
Та Ляхи спалити,

Присудили Козаченьки
Ляхамъ вйдомстити.

7.

Отступникъ Тетеренко.

I:

Ой по горй вйтеръ вые,
Вые, завывае;
А въ долинй храбре вiйсько
Въ походъ выступае.

II.

Въ походъ выступае
Та на бусурмана;
Коней знаряжае,
Молить Атамана:

III.

Пане Атамане,
Хоробрый Тетерю!

Везуть изъ Теперею
Сына молодого.

VIII.

— Батько мій старый,
Що-жъ то буде зъ нами?
— Вже-жъ не що, що Ляхи
Везуть до Варшавы.

IX.

А въ Варшавѣ на Радѣ
Судьи собѣ рядять;
Привезуть насъ до Варшавы
У яму засадять.

X.

У яму засадять,
Хлѣбця не дадуть,
Воды не дадуть,
Винця не дадуть.

XI.

А дадуть намъ сыру землю:
Йжъ, хочъ подавися;

Ти̂льки̂ на сви̂тъ Божій
Дивись, не дивися. —

XII.

Ой по гори̂ ви̂теръ віе;
А все поле — гуцъ, гуцъ.
А Тетерю та изъ сыномъ
У Варшаву везуть.

XIII.

А на ри̂чки̂ на Вислянки̂
Судять, рядять та Поляки:
Чи Тетерю вбити,
Чи у яму засадити.

XIV.

Засадили Тетерю
Изъ сыномъ у яму;
Та й зрядились та продати
Ёго бусурману.

XV.

Ой по гори̂ ви̂теръ віе,
А въ Бендерахъ дымно;

Там Теперя ша изъ сыномъ
Бье Полякивъ дивно.

XVI.

Ой по гори вишеръ вie,
Вie до Керману;
Тамъ Теперя ша изъ сыномъ
Бье вже й бусурмана.

XVII.

Ой по гори вишеръ вie,
А все поле — чкивъ, чкивъ:
Тамъ Теперя ша изъ сыномъ
Частуе Ляхивъ.

XVIII.

Частуе, частуе,
Та й не начастуе;
Бо Теперя вже й безъ сына
Ходить, ша сумуе.

XIX.

Сумуе, сумуе,
Та й не перестане:

— Прощай сынку, сердце мое,
Серденько кохане. —

XX.

А рыбалка по бережку
Якъ ласшйвка вьешься;
А башенько ша по сынку
Тяжко, шяжко рвешься.

XXI.

Плачъ, плачъ, Теперю,
По коханймъ сынку!
— Вже изъ Польщи, изъ Варшавы,
Не вернешся, сынку!

XXII.

Ой не дай-же, Боже;
У Польщй умерши!
Нихшо не посумуе
О швоїй смерши.

XXIII.

Тйлькй-жъ воронъ, воронъ
Прилешишь до шебе,

Та й сидишь на шебе,
Та поклюе шебе.

XXIV.

Ой поклюе шебе,
Та й перестане.
Прилетишь зозуленька
Та плакати стане.

XXV.

Тільки ж воронъ ша зозуля
Й будуть шебе знати;
Тільки-жъ одна зозуленька
Й буде сумовати.

XXVI.

Жаль, жаль шебе, сынку,
Коханый жовнiру,
Що проминявъ свою вiру
На чужую вiру.

8.

Убіеніе Тетеренка.

I.

Славна сшала, славна сшала
Та Чигринська-Рада;
Що всіей Украинй
Далася порада.

II.

Славна сшала, славна сшала
Та Чигринська сйча;
Що побито Каполикйвъ
Зъ Подолья, зъ Порйчья.

III.

Славна сшала, славна сшала
Та Чигринська хмара;
Що Кравчина Каполикамъ
Похмйлье задала.

IV.

Не такого похмілья,
Якъ Козакамъ веселья;
Не такои порады
Якъ Полякамъ примиря.

V.

Тільки що й горе, що Тетеренко
Зъ Ляхами здружився;
Руйноваши церкву Божу
Та й не устыдився.

VI.

Сшали глумы, сшали глумы,
Сшали й поговоры:
То Козаки ша зходились
У Раду по волі.

VII.

А у Раді присудили
Тетеренка ськаши,
А піймавши Тетеренкові
Голову здіймаши.

VIII.

Якъ на шее обѣзвався
Случай тій моторный,
Каже: — я его піймаю,
Голову зрубаю.

IX.

Та й усѣхъ васъ, Гайдамакѣвъ,
Просится мушу;
Подаруйте Случаевѣ
Шельмованьця душу. —

X.

Пійшовъ Случай ша блукаши,
Теперенка шукаши;
Ось и спавъ вінъ до Варшавы
Конемъ привершаши.

XI.

Опъ якъ спавъ вінъ до Варшавы
Конемъ привершаши,
Спавъ зъ Ляхами Теперенко
Зъ лѣса выхожаши.

XII.

— Здоровъ, здоровъ, Тешеренко!
Якъ чи маешъ жити?
Приказали Гайдомаки
Тебе наловити. —

XIII.

Тодѝ спали на Случая
Ляхи наступати,
А Случай спавъ Гайдомакѝвъ
Бити ша рубати.

XIV.

Усѝхъ побивъ, усѝхъ зрубивъ;
Тешеренка повязавъ,
До коняки привязавъ,
Та й заполовавъ.

XV.

Случай, Случай половує;
А Тешеренко бьешься,
Молишь, молишь Случаевѝ...
— Лихо — ка — минешься. —

XVI.

Микулося лихо,
Якъ спепы микули;
Та до Сйчи до великои
Хушко привернули.

9.

Подвиги Лободы.

I.

Ой у городи у Башурини
Дзвоны задзвонили:
То Козаки Гайдомаки
У Ради рядили.

II.

Ой у Ради па рядили,
Якъ на Польщу спаши,
Та на Ради присудили
Вкранну єднаши.

III.

Опть и выйшли Гайдомаки,
Хочь шысяча й двйсшй,
Та богацько ша за ними
Зведешься корысши!

IV.

А по переду Панъ Сулима
Ашаманъ Кошовій.
Чёго-жъ жаху завдавапи,
Що винъ чёрнобровій?

V.

Панъ Сулима, Панъ Сулима
Козакивъ збирае,
Та й усимъ шимъ Гайдомакамъ
Опть шакъ промовляе:

VI.

— Товарищи Гайдомаки,
Чинишь мою волю!
Що намъ шреба видплашишп
Вкраиньску недолю.

VII.

Хочъ насъ, Паны Гайдомаки,
И тысяча й двисти̂;
Та богацько та за нами
Зведеться корысти.

VIII.

Ой богацько та корысти
Зведеться за нами,
Коли схочете побиться
Бучно изъ Ляхами. —

IX.

Якъ на тее оби̂звався
Лободи̂вській Чура;
До Козаки̂въ укланяе,
Отъ такъ промовляе:

X.

— Ой Панове Гайдомаки,
Добро себе майте,
Що за мого Пана Йвана
Ляхамъ ви̂домщайте.

XI.

Ой мій Пане, Пане Йване,
Де-сь то ты зобгався,
Що на Ляхи̂въ ставъ завперше,
Та й не сподивався.

XII.

Ой мій Пане, Пане Йване;
Наливайки̂въ друже,
Що задавъ зъ нимъ зраду Ляхамъ,
Задавъ, та й байдуже.

XIII.

Ой мій Пане, Пане Йване,
Де-сь то ты сподився,
Що у мури̂ у темници̂
Ляхамъ знадобився.

XIV.

Ой Панове Гайдомаки
Пана Йвана вспомяните,
Та за мого Пана Йвана
Ляхамъ ви̂домстите.

II.

По переду Дорошенко
Веде свое вiйсько,
Веде Запорожське
Хорошенько.

III.

По серединi Панъ Хорунжiй.
Пiдъ нимъ кониченько,
Пiдъ нимъ вороненькiй,
Сильный й дужiй.

IV.

А по заду Сагайдачный,
Що промiнявъ жiнку
На шюпюнъ ша люльку
Необачный.

V.

— Ой вернися, Сагайдачный;
Возьми свой жiнку,
Покинь мою люльку,
Необачный. —

VI.

— Минй зъ жинкой не возиться;
А шюшюнъ на люлька
У дорозй Козаковй
Знадобиться.

VII.

Гей, хто въ лйсй, озовися,
Та выкрешемъ огню,
Та запалимъ люльки.
Не журися!

11.

Подвиги Савы Чалаго.

I.

Ой булъ у Сйчй старый Козакъ,
Прозванiемъ Чалый.
Выгодовавъ сына Саву
Козакамъ на славу.

II.

Ой не схотiвъ ша Панъ Сава
Козакамъ служити:
Вiнъ пiйшовъ до Ляшинькiвъ
Славы залучити.

III.

Вiнъ пiйшовъ до Ляшинькiвъ
Службы вiдправляти,
Изъ Ляхами православну
Церковь руйнованы.

IV.

Ой и бувъ Сава, ша iвъ сало
Та все палiницi;
Не кохавъ Сава молодыхъ дiвчатъ,
Та все малодицi.

V.

Не кохавъ Сава Панiвъ Козакiвъ
Та все Католики.
Загубивъ Сава, пропесавъ Сава
Свою вiру на вiки.

VI.

Опять и збиралися Запорожьцѝ;
Всѝ у Раду схожали;
За походы шуды-сюды
Про мѝжъ себе рахували.

VII.

Усѝ прійшли, усѝ прійшли;
Одного нема.
— Ой чемъ-же тебе, башьку Чалый,
У Радѝ нема? —

VIII.

— Ой, чёго-жъ ша миній, Панове,
У Раду ходити?
Що хочете мого сына Саву
На вѝки згубити.

IX.

Хочь вѝнъ ставъ собѝ до Ляхивъ,
Та вже-жъ, сынку милый,
Чёмъ ты ставъ ша до насъ
Такій ставъ спесивій? —

X.

— Ой, спесивій, не спесивій —
Панъ кажушь — Сава;
Та не добра, зурйвочна
Спала ёго слава.

XI.

Що не шйлько що Панъ Сава
Церковь на руйнуе:
Изъ бйсами спавъ за право
Й барзо знахорюе.

XII.

Якъ на те обйзвешься Голый,
Каже: — добре знаю;
Я того Пана Саву
У руки піймаю.

XIII.

Опть и спали на Панове,
Раду розсучили;
Коней посйдлали,
Въ походъ выступали.

XIV.

Ой пье Сава въ Немировѣ
Въ Ляхівъ на обѣдѣ,
Та й не думае й не вѣда
О своїй горьковій бѣдѣ.

XV.

Ой пье Сава, й гуляе,
Лясомъ вырубае;
А до ёго що до Савы
Гонець пріїжжае.

XVI.

— А що ты шутъ, Хомку?
Чи все гаразд дома? —
— Прошопшана, Пане, сшежка
До вашого двору.

XVII.

Та все гаразд, ша все гаразд,
Усе хорошенько:
Споглядаюшь Гайдомаки
Зъ за горы часшенько. —

XVIII.

— Опъ-шо лихо! выглядаюшь!
Я-жъ ихъ не боюся.
Хиба-жъ нема въ мене вiйська?
Я не забарюся.

XIX.

Подай хлопку, подай, Хомку,
Свого вороного;
Собi сiдлай, собi чухрай
Сшарого гайдого. —

XX.

Поiхавъ Сава въ Немирова
На воронiмъ коню;
А, прiiхавши, гадае
Та про свою долю.

XXI.

— Ой, шы-жъ, доле — каже Сава —
Щербатая доле! —
Пышаешься челядоньки:
— Чи все гаразд дома? —

XXII.

— Гараздъ, гараздъ, Пане Саво;
Ще лучше зъ тобою,
Якъ тебе ша побачимо
Та на воронимъ коню.

XXIII.

Гараздъ, гараздъ, Пане Саво,
Усе хорошенько.
Выглядаютъ изъ за горы
Козаки часпенько. —

XXIV.

Ой сивъ Сава въ конци стола,
Все листоньки пише;
А Савиха молодая
Дишину колыше.

XXV.

Сава листы пише,
Сава думку дбае.
— Ошъ вже Сава, ша Панъ Сава
Гадку замышлае. —

XXVI.

— Та пі̂йди, хлопку, до пивницû
Та вточи горûлки.
Нехай-же мы напьемося
За здравіе жûнки.

XXVII.

Та пі̂йди, хлопку, до пивницû,
Та й уточи пива.
Нехай-же мы напьемося
За здравіе сына.

XXVIII.

Та пі̂йди, хлопку, до пивницû,
Та й уточи меду. . .
Чёму-сь минû трудно, нудно. . .
Головки но зведу. —

XXIX.

Сидить Сава въ концû стола,
Все листы читае;
А Савиха молодая
Все дума й гадае.

XXX.

Сидить Сава въ концѣ стола,
Хлопця вызывае;
А Савиха молодая
Плаче, ша рыдае.

XXXI.

Та й не всѣвъ-же хлопець
Зъ спины ключи зняти;
Спавъ Йгнашъ Голый съ Кравчикою
Ворошы ломати.

XXXII.

Якъ вѣдсуне ша Панъ Сава
Вѣконьце вѣдъ рѣнку;
А вже шіи Гайдомаки
Блукаютъ по сѣнку.

XXXIII.

— Та здоровъ, здоровъ, Пане Саво,
Якъ шы себе маешь?
Що зъ далека госцней маешь
Чѣмъ ихъ привѣшаешь?

XXXIV.

Ой чи медомъ, ой чи пивомъ,
Чи горîлкою?
Та прощайся-жъ зъ своимъ сыномъ
Та изъ жîнкою. —

XXXV.

— Ой и чîмъ минî васъ, Панове,
Чîмъ васъ привîтати?
Даровавъ минî Господь сына,
Буду въ кумы браши. —

XXXVI.

— Ой мы не того до тебе прîйшли,
Що-бъ въ тебе кумовати;
А мы зъ того до тебе прîйшли,
Що-бъ тебе розсчитати.

XXXVII.

Ой веди-жъ насъ, Пане Саво,
У нову комору;
Та отдавай намъ, Пане Саво,
Козацькую зброю.

XXXVIII.

Та отдавай намъ, Пане Саво,
Сукни̂, е́дамашки,
Що ты нажи̂въ, вражій сыну,
Зъ Козацькои ласки.

XXXIX.

Ой мы не того до тебе прійшли,
Що-бъ въ тебе кумовати;
А мы зъ того до тебе прійшли,
Що-бъ головку изняти.

XL.

Ой було-бъ тоби̂, Пане Саво,
Гардъ не руйновати,
Коли ты хоти̂въ Запорожьци̂въ
У кумы соби̂ брати. —

XLI.

Ой кинувсь та Панъ Саво
За свою ясну зброю;
Та пи̂дняли три Гайдомаки
На три списы въ гору.

XLII.

Шапаешься, мопаешься,
Изъ жи̂нкою прощаешься.

XLIII.

— Ой и дайпе-жъ мини̂, Панове,
Изъ жи̂нкою попрощапися;
Ой дайпе-жъ мини̂, Панове,
Изъ силою собрапися. —

XLIV.

Ой не вспи̂въ же па Панъ Сава
На коника впасти:
У кайданы заковали,
Спали на ни̂зъ класти.

XLV.

— Ой, Панове Запорожци̂,
Хиба-жъ по вамъ слава,
Що въ кайданы па заляпый
Лежишь у васъ Сава?

XLVI.

Якъ бы вы ёго объ волю
Зъ кайданйвъ пустили,
Славу-бъ собй найбйльшую
Отъ-симъ залучили.

XLVII.

Якъ бы вы ёго объ волю
Мйжъ себе приняли;
Славу-бъ собй найбйльшую
Отъ-симъ даровали. —

XLVIII.

Шпаетьсл, мотаетьсл,
Изъ жйнкою прощаетьсл,
На всй чётыре стороны
Панамъ покланяетьсл.

XLIX.

Ой и дали волю Савй
Въ походъ выступали,
Та богатырю Савй
Барзо дьяковали.

L.

Що не вспівъ-же ша Панъ Сава
Свого коника спрясти,
Та й спавъ Ляхівъ, ша й спавъ Ляхівъ,
Якъ снопики класти.

LI.

Ой не вспівъ-же ша Панъ Сава
На коника сісти;
Було Ляхівъ сорокъ шысячъ —
Зосталося двісті.

LII.

Ой якъ гляне ша Панъ Сава
На правую руку:
— Ой выскочи, коню, коню,
Та въ Ляшського шрупу!

LIII.

Ой якъ гляне ша Панъ Сава
На правое плече, —
Позадъ ёго, попередъ ёго
Кровавая річка шече.

12.

Надгробная пѣснь Чураю.

I.

Орлику, сизій орлику,
Молодый Чураю!
Ой забили жъ тебе Ляхи
Та у своймъ краю.

II.

Що забили тебе Ляхи
Изъ швоимъ Гетьманомъ.
Изъ швоимъ Гетьманомъ,
Що Паномъ Стефаномъ.

III.

Орлику, сизій орлику!
Орлйвъ брашйвъ маешь.
Що старыи й молодыи —
Самъ йхъ добре знаешь —

IV.

Що старыи й молодыи
Всй̂ въ тебе вдалися,
Вй̂домстити та за тебе
Усй̂ поклялися.

V.

Що старыи й молодыи
Усй̂ голинныи;
А въ и́хъ кони́ вороныи —
Швыдкіи, быстрыи;

VI.

Швыдкіи, быстрыи,
Якъ орлы лй̂тають,
На Ляшськіи городы
Хмарой набй̂гають.

VII.

А въ и́хъ списы булатныи
Зъ довгими кй̂нцями,
Всй̂ гострй̂ якъ голочки,
Зъ довгими клюгами.

VIII.

А въ ихъ шабли булашныи,
На обйдвы боки,
Ляхамъ враду сыплятъ
По всй вичнй роки.

ДУМЫ.

1.

Дары Баторія. Смерть Богданка.

То не вѣтеръ буйный по степахъ выє, завыває; то не Ханъ Ташарській на Украину військо свое насылає, щобъ воно Украину, рѣдну маши нашу, безневинно плиндровало, жѣнокъ ша дѣвокъ ша добро наше у полонъ брало й забирало; коней ша овець; усю Божою скотину у свои джерела загнало, Козацькѣ холивы розбивало й роззоряло; — то голинній Богданко усѣхъ Козакѣвъ у Громаду созывае, у сѣхъ Козакѣвъ, и служивыхъ и прос-

инихъ, и сосѣдивъ, и пѣдсосѣдкѣвъ, и Хорунжихъ и прочихъ инихъ старшихъ, усѣхъ хоробрыхъ Сотникѣвъ и Полковникѣвъ у купу сывае, скликае, до Громады зобирае; а самъ по середнй выхожае, шаблюкою блискае, святымъ мѣстамъ три поклоны покладае, а на чѣтыре стороны по одному поклону, на Козакамъ одинъ поклонъ, на ще Сотникамъ на Полковникамъ поклонъ; до Бога молитву чинае, а до Козакѣвъ до всѣеи Громады такъ промовляе:

— То не вѣперъ буйный по степахъ вые, завывае; то не Ханъ Татарськѣй на Украину вѣйсько свое насылае, що-бъ воно Украину, рѣдну матѣ нашу, безвинно плиндровало, жѣнокъ на дѣвокъ на добро наше у полонъ брало забирало, коней на овець,

усю Божюю скотину у свои джерела заганяло, Козацькй холивы розбивало й роззоряло; то Король Польщи намъ и вамъ подарокъ высылае великій даръ даруе, насъ и васъ шануючи и поважаючи. Хоче вйнъ, що-бъ вы, братця, хоробрыи Козаки товарищи, за ёго, Короля Польщи, Бога молили; та ёму, Королю Польщи, якъ Боговй, що живе высоко на небй, по вйрй й по правдй служили, Ляхйвъ бы не били, а зъ ними якъ зъ рйдными братами жили, на Москалйвъ бы нападали, Татарйвъ-бы побивали й воёвали; а за сее вашему Гетьманови̂, голиннему Богданкови̂, та и вамъ изъ нимъ великій даръ даруе, а той великій подарокъ даръ: булава золота, та хоругва зъ стрйбла, та бунчукъ зъ жеребця. Та йще той Король Польщи пише, приписуе:—Хай-

же, ка, твои Козаки товарищи служать мині вірою й правдою, якъ великому тому Богові, що живе высоко на небі; а якъ не будуть служить мині вірою й правдою, то я имъ тоді другій подарокъ подарую: хоробою іхъ порадую, хоробою тяжкою та важкою.—

А Козаки тое й зачували, до свого Атамана такъ промовляли:

— Отъ-се-жъ намъ Король Польщи великій подарокъ — даръ даруе, а не послужимъ мы ёму вірою й правдою, то й хоробою, бачъ, якою-сь насъ порадуе. Якою-жъ бы то хоробою? Чи не слободою? Та якъ-бы вже отъ тою хоробою що слободою, то усімъ-бы намъ, товарищамъ Козакамъ, иншихъ дарівъ и не треба. Служили-бъ ёму, Королю Польщи, по вірі й по правді, якъ Богові, що живе высоко

на небѣ; и Ляховъ бы не били, и съ ними якъ съ рѣдными братами жили, на Москалѣвъ-бы нападали, и Татарву-бы воёвали; и во вѣки бъ вѣчныи не вломъ а добромъ ша молитвою свого Пана великого, Короля Польщи именитого, якъ Бога-бъ шановали. —

Опъ-сее казавши, ша й замовчали. Тодѣ Гетьманъ голинниѣ Богданко до Писаря свого Хомы Безродного, ша до Курѣнныхъ прохаючи пѣдступае; и одного й другого барзо выпытуе, споввѣдуе; й ше й друге, шакъ и шакъ выкладуе; походъ пѣдъ Турка Козакамъ обѣщуе, ша велику здобыченьку на походѣ великому.

Такъ и шакъ. Козаки Громаду розкладали, велику пораду мали, у походъ выступали; Турка рубали, плиндровали; ша шупъ-же й Гетьмана свого на

коли̂ пи̂дъ горою, пи̂дъ густою ракитою, убитого знахожали, гли̂боку могилу копали, на могили̂ курганъ насыпали, би̂ля кургана-могилы коня Турецького Гетьманського зоставляли, похоронъ Гетьмановî правили, одправляли. Тутъ ёму и во ви̂къ лежати. Добычу свою побравши, до дому вертались, Боговî молились, Спасителю хрестились, добромъ дя̂кували.

Вони добромъ, — а мы чаронькой.

2.

Татарскій походъ Серпеи.

Ой по Чёрному та по гли̂бокому моречку, по широкому та далекому Дунаечку, злая буря выхожае, высту-

пае, Козакйвъ до земли чуждои провождае; а изъ низу буйный вйтеръ віе, повйвае; а по Чёрному моречку супротивная филя уставае, та по Чёрному морю волкомъ сйроманьцемъ лае й гукае.

Собралися Козаки товарищи всй хоробрыи Запорожьцй про тую бурю мирковати, тихои погодоньки по надъ синимъ моремъ Дунаемъ пйджидати. Одну годину пйджидали, другу пйджидали; а злая буря все бйльшъ выступала, та й ни трошке по Чёрному морю глйбокому, по Дунаечку далекому та широкому тая буря не унимала, а все злійшъ громомъ по небу тарахтала, а блиськавка мйжъ хмарами лыскала. Отъ-тодй Гетьманъ Ивасенько Серпяга Козакйвъ товарищйвъ до себе пйдзывае, до Козакйвъ товарищйвъ такъ и такъ промовляе:

— Ой вы, Панове, рîдныи мои брашця, хоробрыи мои шоварищи, Козаки Запорожьцî! Слухомъ николи не слухано, ша й видомъ николи не видано, що-бъ шакая буря злая на Козакîвъ шакъ мîцно выступала й успавала, що-бъ шакимъ громомъ блискавкою шарахшала й лыскала, ша що-бъ вы, Панове Козаки шоварищи, ось-шакъ довго довгенько сшояли, шихои погодоньки бîля моря Дуная пîджидали.

А Козаки шое й зачували, ша й усî мовчки замовчали. . .

— Коли-жъ мы шои бусурманьщины лякалися? Коли-жъ шаки мы вîдъ неи де-не-бушь ховалися? А шеперечка не шо що-бъ бусурманьщины, а шо не шо бури налякалися, шихои погодоньки пîджидаючи, ша на злую й лихую бурю жалуючи, изо всîмъ надîрвалися.

А Козаки шое й зачували, ша й усѣ мовчки замовчали; барзо, барзо раховали, ничёго не промовляли, одинъ одного споглядали, въ походъ выступали.

Опъ-се-жъ идуть вони день, не день, не два й не три й не чёшыре; а злая буря лихая ша по Чёрному моречку, по далекому Дунаечку, барзо унимали; ша й супротивная филя у свои домовины, у ковбанюги бѣжала, ша й шамъ пропадала. А Козаки Боговѣ молившы посылали, по три поклоны покладали, вѣдпочинье мали. А пѣсля всѣ Козаки въ походъ выступали, изъ своимъ хоробрымъ Гетьманомъ, Серпягою Иваномъ, шяжко не-Христа розбивали; думали й гадали. Тай й пѣдъ городомъ Керманомъ изъ бусурманськимъ Салпаномъ примирье мали; у ёго худобу усю вѣшнимали, усѣхъ Ташаръ буря-

кйвъ розбивали, й плиндровали. Тихою погодонькой, зъ гарною добыченькой до дому привертали.

3.

Битва Чигринская.

Ой у нашій у славній Вкраинй бували коли-сь престрашныи злыгодни, бездольнй годины; бували й моры й військовй чвары. Нихто Вкраинцйвъ не ратовавъ; нихто за нихъ Боговй молитвъ не посылавъ; тйлькй святый Богъ нашихъ не забувавъ, на велики зусилья на вйтповйтьи державъ. Тйлькй Богъ святый знавъ, що вйнъ думавъ, гадавъ, замышлявъ, якъ невзгодины на Украинську землю посылавъ. Отъ-же й пройшли, изойшли злыи не-

годины: не мае никого, що-бъ насъ подолѣли. Тѣлькѣ Богъ святый знавъ, що вѣнъ думавъ, гадавъ, замышлявъ.

Не день и не два Ляхи Украйну плиндровали, ни на часиночку вѣдпочинья не мали, коней на взводахъ день и нѣчь держали, до Гетьмана Наливайка дорогу верстали. А Гетьманъ хоробрый Наливайко, що вѣнъ думае, гадае? Що вѣнъ за долю товарищѣвъ своихъ замышляе? Тѣлькѣ Богъ святый знае, що ёму на помѣщь помогае.

Изъ за горы хмара выступае, выступае, выхожае, до Чигрина громомъ выгрѣмляе, на Украинську землю блискавицею лыскае. То Поляки черезъ три рѣки три переходы мали, ша й бѣля третьёго перехода станомъ стали, пустили коней на попасанье, сами собѣ дали на три годины опочиванье.

А що Гетьманъ Наливайко думае, гадае? Що вінъ на невзгоду Ляхівъ замышляе? Тільки Богъ що святый знае, що ёму на помічь помогае.—То не хмары по небу громомъ святымъ выгрімляють, що не святыхъ вони до Бога провожають; — що Ляхи у бубны вдаряють, усе військо свое до купы у Громаду скликають, що-бы йшли усі до Громады на послушанье, слухати Гетьмана Жолковського отповіданье. Отъ-що й прійшли усі, рядомъ стали; усі рядомъ стали, ша й замовчали, Гетьманську отповідь слухати зачали; а, послухавши, коней сідлали, черезъ білу рїку переходъ великій мали: мостны мостили, гребли гатили, коли забивали, горзину ша дряницю клали, черезъ білу рїку переходъ великій мали. А, перешедши, огороды ша шанці

робили, увъ окрûпъ гарматы становили, а по передъ гарматами три хресты у землю вколотили. А що первый хрестъ, то Сомино висить; Сомино висить, барзо голосить; — а що другîй хрестъ, то Богунъ висить; Богунъ висить, шаблюкой лепотить; — а що третій хрестъ, то порожній стоить; усûхъ иншихъ Козакûвъ до себе пûджидае, Козакûвъ оглядае. Хто первый пûдойде, того гармата убье; хто другîй добûжить, того самопалъ цапне; хто третій пûдскочить, той хреститься буде, й молиться стане; що хрестъ зъ осоки, то ёго надбане. А Козаки глядûли, увъ очи вбачали, промûжъ себе бурковали; три хоругвы на забаченье Ляхамъ становили, на хоругвахъ уговоръ-рядну писали:

— Вйрному православному Хрестьянсьтву миромъ миръ; а Ляхамъ ворогамъ пекельный пиръ. Кого хрестъ, на того й хрестъ. —

Отъ-се-жъ и пійшли Ляхи на чётыре поля, що на чётыре поля, а на пяте на Подолье; а Козаки Ляхйвъ на всй стороны, по всймъ хрестамъ колотили; Ляхи опрощенья просили, та не допросились. Не таковськи Козаки, що-бъ напасть забули.

Не таковськи й Ляхи, що-бъ прощенье дали.

Буде й нашимъ лихо, якъ зозуля ковала. Що вона ковала, то вона про мйжъ святыхъ чувала; що вона ковала тому бути й стати, якъ стануть бйсы правыхъ й неправыхъ е́днати, души забирати, у пекло до купы складати.

Вѣдъ того й сёго Боже намъ поможе. Про ще вінъ и знае, що вінъ думае, гадае; що Павловѣ Наливайковѣ ша на помічь помогае. Не намъ за шее раховаши. Наше дѣло Боговѣ молишься, Спасителю хрестишься.

Ісусе Христе, сыне Божій, помилуй насъ, помилуй насъ, помулуй насъ!

Миромъ миръ міру Хрестьянському, а намъ усѣмъ души й шѣла здравіе и спасеніе. Аминь.

****

4.

Смерть Ѳедора Безроднаго.

По надъ Сагою Днѣпровою, молодий Козакъ обѣдъ обѣдае; не думае, не гадае, що на ёго молодого, ще й на Чуру малого бѣда насшигае.

То не вербы луговыи зашумѣли, якъ безбожнѣ Ушкалы налѣтѣли, Ѳедора Безрѣднаго, Ашамана Курѣнного, посѣкли, порубали, цѣлькѣ Чуры не піймали. То малый Чура до Козака прибувае, раны ёму глубокіи промывае. То Козакъ ёму промовляе:

— Чуро мій, Чуро, вѣрный слуго! Пійди ты степомъ по надъ Днѣпромъ; послухай ты, Чуро, — чи то гуси кричать, чи лебеди ячать, чи Ушкалы гудуть, чи, може, Козаки Днѣпромъ идуть. Коли гуси кричать, або лебеди ячать, то ты жени, коли Ушкалы гудуть, мене схорони; коли-жъ Козаки йдуть, то обьяви: нехай вони чёвны до берега привершають, мене Козака Ѳедора Безрѣднаго жавѣщають. —

То Чура малый по берегу пробѣ-

ганъ, Козакѣмъ зобачивъ, шапкою махавъ, словами промовлявъ:

— Панове, молодцѣ, добре вы дбайше, чённы привершайше, до Атамана Курѣнного поспѣшайше. —

То Козаки шее зачували, до берега привершали, Атамана навѣщали. Тодѣ Козакъ Чуру выхваляе, словами промовляе:

— Чуро мѣй, Чуро, вѣрный слуго! Коли шы будешъ вѣрно пробувати, будуть тебе Козаки поважати. —

То шее промовлявъ, опрощенье со всѣми бравъ, милосердному Богу душу оддавъ. Тодѣ Козаки шаблями суходѣлъ копали, шапками, приполами персть выймали, Ѳедора Безрѣдного ховали, въ семипядняѣ пищали гремали, у суремки жалобно выгвалялн.

То ще добре Козацька голова знала; що безъ війська Козацького не вмирала.

5.

Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова.

. . . . . .

Ой тодй то не сивй туманы вставали, то зъ города Азова три брата зъ тяжкои неволи Турецькои втйкали. То браты старшй рйднй, обйдва кйннй, а найменьшій братъ пйшій пйхотою за кйнными братами уганяе, на сырй корйнья, на бйлй камйнья нйжки свои Козацькіи посйвае, кровью слйды заливае, до кйнныхъ братйвъ уганяе, за стремена хватае, дрйбными слезами обливае; словами промовляе:

— Браты мои старшй, рйдненькй! Прошу я васъ, хочъ трйшке надождите, кони́ свои Козацькіи попасите, мене, найменьшого брата мйжъ себе на кони́ возьмите, до города Хрестьянського хочъ мало пйдвезите, не хай-же я буду знати, куды въ городы Хрестьяньски до отца до матки дохожати! Прошу я васъ, браты мои старшй, хоча мене на коней возьмите, хочъ минй зъ плечъ голову здіймите, въ чистому полй тйло Козацьке схороните, птыцй й звйрю на поталу не пустите.

То старшій братъ тое зачувае, до найменьшого брата словами примовляе:

— Брате нашъ, найменьшій, рйдненькій! Рука наша не здійметься, сердце не зосмйлиться. Булатна шабля не йме тебе, найменьшого брата рубати, луч-

ше будемо, брате, тернами та байраками гуляти, будемо тобй верховйтья у тернйвъ стинати, будемо тобй на признаки на шляху покидати. —

То бйгли тй браты не день, не два, не три й не чётыре, а найменьшого пйшого брата на Азовському степу покидали; а якъ стали съ тернйвъ, зъ байракйвъ выбйгати, и того й сёго найменьшому брату на признаки покидати. То середульшій братъ старшому брату словами промовляе:

— Брате мій старшій, рйдненькій, прошу я тебе: тутъ травы зеленй, воды здоровй, очереты удобнй! Станьмо хочъ мало не много кони́ свои попасймо, свого пйшого брата хочъ трохе надождймо, на коней возьмймо, въ городы Хрестьянськи хочъ мало надвезймо. Нехай-же нашъ найменьшій

братъ буде знати, куды въ городы Хрестьянськи до отця до матки дохожати.

То старшій братъ до середульшого брата словами промовляе:

— Брате мій середульшій ри̂дненькій! якъ будемо свого брата пи̂шого наджидати, то буде за нами зъ города Азова велика погонь угапяти, буде насъ ки̂нныхъ брати̂въ доганяти, буде насъ на три штуки рубати; або буде насъ въ ги̂ршу неволю живьемъ завертати, а нашого найменьшого пи̂шого брата буде въ тернахъ, въ байракахъ на спочинкахъ минати, — то мы свого брата пи̂шого незвеземо, и сами зъ Азовськои Турецькои неволи не втечемо. —

То той середульшій братъ добре дбае, одинъ на соби̂ каптанъ мае, та зъ пи̂дъ того жовти̂ та чёрни̂ киты

выдирае, свому найменьшому брашови по шляху покидае. Тоди бигъ той найменьший брашъ не день, не два, не три й не чётыре, — спавъ въ шерниви, въ байракиви выбигаши, спавъ жовни на чёрни кишыци въ пидъ капшала знахожаши. Въ руки хвапае, дрибными слезами обливае, словами промовляе:

— Ой не дурно моихъ брашивъ кишыци по шляху валяються! Певно, моихъ брашивъ обоихъ на свити не мае! Певно, за ними зъ города Азова погонь уганяла, моихъ кинныхъ брашивъ доганяла, на три штуки рубала; або ихъ ще въ гиршу неволю живьемъ завертала; а мене пишого у шернахъ на байракахъ на спочинку минала. Коли-бъ мини Богъ помигъ хоча ихъ шило не живое у спепу знахожаши, могъ-бы я ихъ шило Козацьке у спепу поховаши,

птицѝ й звѝрю на поталу не подати. Ой, годи-жъ минѝ за кѝнными братами уганяти; часъ минѝ Козацькимъ ногамъ пильгу дати. —

Що одно безводье, а друге безхлѝбье, а третье буйный вѝтеръ въ полѝ повѝвае, бѝдного Козака зъ ногъ валяе. Ставъ тодѝ найменьшій братъ пѝшій свою Козацьку голову склоняти! Стали тодѝ сизокрылѝ орлы налѝтати, на чёрныи кудри наступати, зъ лоба очи выдирати. То вѝнъ добре дбае, до сизокрылѝхъ орлѝвъ словами промовляе:

— Ой вы, орлѝ сизокрылѝ, вы, гости не любѝ й не милѝ! Изождите хочъ мало не много; якъ буде душа зъ тѝломъ разлучатися, тодѝ будете налѝтати, зъ лоба очи выдирати. —

Тодѣ ще й дрѣбна птиця налѣтала, коло жовтои кости пѣло обдирала. Ще й волули налѣтали, у головахъ сѣдали, якъ рѣднѣ сестры куковали, Ще й вовки сѣроманнѣ нахожали, жовту кость по балкахъ, по шернахъ розношали, жалобненько квилили, проквилляли. То-жъ вони усѣ Козацькій похоронъ одправляли.

Спали кѣннѣ брашы до городѣнъ Хрестьянськихъ дохожали, спала къ ихъ сердцямъ велика туга налягали. То середульшій брашъ до старшого браша словами промовляе:

— Брашику мій старшій рѣдненькій! Не дурно къ нашимъ сердцямъ велика туга налягае: певно нашого браша меньшого на свѣти не мае. Якъ будемо, браше до свого отця й до матери дохожати; якъ будуть вони пас-

пытати, то що, браше рйдный, станемо казати?

То старшій братъ до середульшого промовляе:

— Скажемо: мы не въ одного Пана въ неволй бували, ночнои поры зъ неволи втйкали, ёго сонного будили, не збудили; та тамъ ёго у неволй й зоставили.

То середульшій братъ тое зачувае, до старшого брата словами промовляе:

—Якъ не будемъ отцю й матери правды казати: то буде насъ отцевська й материнська молитва карати. —

Тодй старшй браты у лйсы Самарськи зайзжали, по надъ рйчкою Самарью опочивку собй мали, коней попасали. Въ той часъ безбожныи бусурманы набйгали, та й тйхъ двухъ

брати̂въ пі̂ймали, у кайданы заковали, на степу розъи̂зжали; а пи̂сля ти̂ло Козацьке карбовали, у чистому поли̂ роскидали, головы на сабли вздіймали, та глумовали.

Отъ-же то, Панове, хоча й легли, полегли головы трехъ брати̂въ; та слава и́хъ не помре ми̂жъ Царями, ми̂жъ Панами, ми̂жъ православными Хрестіянами.

Дай, Боже, міру Царському, міру Хрестьянському, всі̂мъ здравіе на многа ли̂та. Аминь.

6.

Походъ на Поляковъ.

Ой пі̂йшли Козаки на чётыре поля, що на чётыре поля, а на пяте на

подолье. Що одним полемъ пійшовъ Самко Мушкетъ, а за Пьномъ Хоружимъ мало мало не три тысячи, усѝ хоробрыи товарищи Запорожьцѝ. На коникахъ выграваютъ, шабельками блискаютъ, у бубны вдаряютъ, Боговѝ молитвы посылаютъ, хресты покладаютъ. А Самко Мушкетъ то винъ на коню ша й не выгравае, коня удержуе, до себе припягуе; думае, гадае. Та що-бъ сто чортѝвъ лихомъ вбили шу ёго думу, що гаданье. Самко Мушкетъ думае, словами промовляе:

— А що якъ наше Козачество мовъ у пекли Ляхи спалятъ, ша зъ нашихъ костей Козацькихъ молодецькихъ пиръ собѝ на похмѝлье зварятъ. А що якъ наши головы Козацькѝ молодецьки по степу полю полягутъ, ша ще й рѝдною кровію вмыються, поперерасколо-

цными шаблями покрыются. Пропаде мовъ порошина зъ дула шая Козацькая слава, що по всёму свiту дыбомъ стала, що по всёму свiту степомъ розляглась, простяглась, ша по всёму свiту луговымъ гоминомъ роздалась, Туречинiй ша Ташарщинiй добромъ лихомъ знашли далась, ша й Ляхамъ ворогамъ на спись вiддалась.

Закряче воронъ степомъ лiпшочи;
Заплаче возуля степомъ скачучи;
Закуркують кречепы сизi,
Загадаються орлики хижi,
Та все усе по своихъ брашахъ
По буйныхъ товарищахъ Козакахъ.

Чи що iхъ сгарбомъ занесло, чи що iхъ у Пеклi попонуло, що не видко чубашыхъ не що й по степахъ, не що й по лугахъ, не що й по Ташарськихъ

земляхъ, не по й по Турецькихъ горахъ, не по й по Чорнйхъ моряхъ, не по й по Ляшськихъ поляхъ. Закряче воронъ, загруе, зашумуе, ша й полетишь у чужу землю. Анъ ба! Кйстки лежать, шаблюки спорчать; кйстки хрустять, шаблюки поперерасколоны бряжчать. А чёрна, сива сорока зоскалилась ша й басуе. А що головы Козацьки, що мовъ швець Семенъ шкуру загубивъ а що чубы, мовъ чёршяка джгуты поробивъ. У крови усй ша посасыхали. Ошъ що й славы набрали. —

Ой пййшли Козаки на чёшыре шляхи, по на чёшыре шляхи, а на пяте на Подолье. Що однимъ полемъ ша пййшовъ Самко Мушкетъ, а другимъ полемъ Сшецько Кукуруза. Сизою гулубкою голову свою буйную до долу закинувъ. А за нимъ йдушь мало мало не

при мысячи, усѣ хоробрыи товарищи Запорожьци, на коникахъ выграваютъ, шабельками блискаютъ, у бубны вдараютъ, Богови молитвы посылаютъ, хрестъ покладаютъ, до Сѣцька Кукурузы ось такъ промовляютъ.

— Чи ты живъ, чи здоровъ Пане Сѣфане? Чи ты вмеръ, що твою головоньку дубомъ до долу прибило? Рахуванье не въ поминанье. Коли-жъ не-будь треба та по насъ поминки робити. Що по насъ, Пане, старѣ бабы станутъ у полѣ свистѣти; а по любѣ, Пане, молодыи дѣвчата зачнутъ голосити. Та те все однако, що Акимъ що Якивъ. Ось якъ пристанемо до пятаго яра, то хочъ и середь лѣтечка зашумитъ, загуде не-дай-свѣта-чвара. Буде й нашимъ лихо, якъ зозуля коваля, спѣпомъ скачучи, лугомъ лѣтючи;

що вона ковала, то правду казала. Налйтять орлы хижіи, стануть жалковати; а вороны налйтять, та й стануть здобычи ждати й пйджидати. То якъ налйтять отъ тй зозули, — то насъ незабули. Що Жидъ, а що дйдъ, а що й Запорожській Козакъ. —

Ой пійшли Козаки на чётыре шляхи, що на чётыре шляхи, а на пяте на Подолье. Що однимъ полемъ пійшовъ, то пійшовъ Самко Мушкетъ; а другимъ полемъ, то пійшовъ Стецько Кукуруза, а третьимъ полемъ то пійшовъ Карпо Пйвтора-Кожуха; на конику выгравае, пйсьню спйвае. А за нимъ йдуть мало мало не три тысячи, усй хоробрыи товарищи Запорожьцй, на коникахъ выгравають, шабельками блиськають, у бубны вдаряють, Бовй молитву посылають. А Карпо Панъ

Гешьманъ на конику выгравае, пѣсыню спѣвае:

Пресучая ша журьба!
Вона мене изсушила.
Вона мене молодого
Изъ нѣгъ извалила.
А я шій журьбѣ
Та й не пѣддаюся.
Ой пѣйду я до шинкарки
Горѣлки напьюся.
Ой хто хоче меду пити
Ходѣмъ до Жидѣвки,
А въ Жидѣвки чёрнѣ брѣвки,
Высоки пѣдкивки,
Й юпочка рябенька,
Й сама молоденька;
Та якая-жъ хорошая,
Яка чопорненька.
Шинкарочка моя
Насыпь минѣ меду й вина,

Та щобъ моя головонька
Веселенька була.
— Коли ты жёнатый,
То иды до дому;
А якъ не жёнатый,
То ночуй зо мною. —
Ой є въ мене й жйнка
И дйточокъ двое,
Та же пригоршаються,
Серденько мое. —

ЗАМѢТКИ.

(I)

Къ Пѣснямъ.

1.

Доставлена мнѣ въ неполномъ спискѣ Н. В. Росковшенковой. Списокъ, по которому сія пѣсня здѣсь напечатана сдѣланъ мною самимъ со словъ Бандуриста. Въ первомъ спискѣ не доставало куплетовъ: I, VII, VIII, IX, XI и XII.

Эта пѣсня замѣчательна разнообразіемъ размѣровъ, что меня и заставляетъ предполагать, что она состоитъ изъ отрывковъ различныхъ пѣсней. Кромѣ размѣровъ доказательствомъ сему

предположенію можетъ быть и различіе голосовъ, на которые она поется; именно — куплеты: I, II, VII, VIII, IX, X, XIV, XV, — поются однимъ голосомъ; куплеты: III, IV, V, VI, XVII, XVIII, XVIII, XIX, — другимъ голосомъ; наконецъ XI. XII, XIII — третьимъ.

Въ Украинскихъ пѣсняхъ употребительны пять главныхъ размѣровъ. Каждый куплетъ въ пѣсняхъ перваго размѣра состоитъ изъ четырехъ стиховъ, изъ коихъ 2-й и 4-й рифмуются. Стихъ сего рода пѣсень имѣетъ всегда два ударенія, и никогда болѣе двухъ. Образъ расположенія удареній чрезвычайно разнообразенъ, и, кажется, не подлежитъ ни какимъ правиламъ.

Примѣръ:

Сизи̂мъ о́рликомъ ли̂та̀въ,
Яворо́нькомъ гну́вся:

— Де-сь то я', мои милî бра́тья,
Та́ й сподîнуся.

Куплеты втораго размѣра пѣсень, каждый состоитъ изъ двухъ рифмующихся стиховъ, и всякій стихъ имѣетъ не менѣе двухъ и не болѣе трехъ удареній.

Примѣръ:

А ще тре́тій, Морозе́нко
А четвертый, Панъ Горле́нко.

Сіи два рода пѣсенныхъ размѣровъ суть самые употребительнѣйшіе на Украинѣ. — Пѣсни третьяго размѣра также раздѣлены на двустишные куплеты; но въ каждомъ стихѣ по четыре ударенія.

Примѣръ:

Молода́ сестра́ сонъ-траву́ ирва́ла
Стару́ю пыта́ла, стару́ю пыта́ла.

Въ пѣсняхъ четвершаго размѣра куплеты также какъ и въ пѣсняхъ перваго размѣра состоятъ изъ четырехъ стиховъ съ тою разницею, что здѣсь рифмуются въ каждомъ стихѣ: 1-й и 4й, а иногда и 2-й и 3-й. Первый стихъ имѣетъ два ударенія, а 2-й, 3-й и 4-й по одному.

Примѣръ:

Гей, хто въ лѝсѝ, озови́ся,
Та вы́крешемъ огню,
Та запа́лимъ люльки.
Не жури́ся.

Пѣсни пятаго размѣра не раздѣляются на куплеты: каждый стихъ повторяется два или три раза, и рѣдко рифмуется съ другимъ стихомъ. Почти всегда послѣ каждаго стиха слѣдуетъ припѣвъ, который иногда съ нимъ рифмуется.

Примѣръ:

Чи ты не чуешь, моя галочко, (2)
(*Припѣвъ*) Ой моя галочко.

О сихъ размѣрахъ будетъ подробнѣе сказано въ собраніи женскихъ Украинскихъ пѣсень, которое я приготовляю къ печати. Замѣчу мимоходомъ, что Украинскіе размѣры пѣсенные принадлежатъ не однимъ Украинцамъ, но и многимъ другимъ Славянскимъ племенамъ: укажу на Поляковъ, Богемцевъ и Словаковъ; и особенно сказать это можно о первомъ размѣрѣ, на который сложена большая часть Украинскихъ пѣсень, почти половина извѣстныхъ свѣту Богемскихъ, и почти всѣ Словацкія. См. Словацкія пѣсни моего изданія. Харьковъ. 1832. Малороссійскія пѣсни изданія Максимовича.

2.

Списана со словъ Бандуриста. Другихъ списковъ не имѣю.

3.

Имѣю два списка сей пѣсни. Оба сдѣланы мною со словъ Бандуристовъ. По другому списку пѣсня сія начинается такъ:

I.

Ой зъ города изъ Полтавы
Выйзжали Козаки.
Усйхъ було три таборы,
Та всй три е́днаки:

III.

У первому таборй
Усй лейстровыи,
У другому таборй
Усй Хорунжіи;
У третьему таборй
Усй курйнныи.

III.

Ой їхали ж три дни
Й три ночи покупы,
Ой на трешью на у ранцї
Треба въ Мержї буши.
А у городї у Львовї — и пр.

Нѣкоторымъ читателямъ покажется, можетъ быть, страннымъ, что вторый куплетъ сего списка состоитъ изъ шести стиховъ. Надобно замѣтить, что при пѣніи пѣсень перваго размѣра два послѣднихъ стиха каждаго куплета повторяются обыкновенно два раза. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ прибавляются два лишнихъ стиха, кои поются вмѣсто повторенія двухъ предъидущихъ. Прибавленія такого рода бываютъ тогда когда смыслъ предположенный не умѣщается въ четырехъ стихахъ куплета.

4.

Списокъ здѣсь помѣщенный здѣланъ мною самимъ со словъ Бандуриста. Другой списокъ, полученный мною отъ Г. Дьячкова, состоитъ только изъ двухъ куплетовъ: V и VI. Вмѣсто *Серпяга* стоитъ въ семъ спискѣ *Серпяжина*.

5. 6.

Списаны мною самимъ со словъ Бандуристовъ. Я не отмѣчаю разницы, находящейся между списками сихъ пѣсень, находящимися въ моемъ собраніи; ибо сія разница касается только до выраженій, и еще чаще до словъ, а не до самаго дѣла или смысла.

7.

Доставлена И. Лисавицкимъ. Я выпустилъ первый куплетъ, потому

что онъ принадлежитъ совершенно другой пѣснѣ:

Ой на свѣтѣ жити лихо,
Такій свѣтъ удався;
Що недолѣ Козачина
Де-сь що сподобався.

Максимовичъ замѣтилъ мнѣ, что конецъ сей пѣсни, т: е. куплеты XXII—XXVI, имѣетъ сходство съ концемъ пѣсни помѣщенной въ его собраніи Малорос. пѣсенъ, подъ N XII, стр. 17.

8.

Списана мною со словъ Бандуриста. Во второмъ куплетѣ вмѣсто: *Поличья*, какъ сказалъ мнѣ Бандуристъ, я употребилъ: *Порѣчья*; ибо первое слово кажется не имѣетъ никакого значенія, а вѣроятно употребляется по ошибкѣ.

9.

Списана со словъ Бандуриста.

10.

Выписана изъ Собранія Малороссійскихъ пѣсенъ Максимовича. стр. 18 — 19.

11.

Имѣю подъ руками четыре списка сей пѣсни: одинъ доставленъ Ѳ. С. Квецкимъ; другой помѣщенъ въ Собраніи Малороссійскихъ пѣсенъ Г. Максимовича, стр. 33 — 37; два послѣднихъ сдѣланы мною со словъ Бандуристовъ. Всякой изъ нихъ былъ не полонъ, и потому я рѣшился совокупить сіи списки во едино. Думаю, что не погрѣшилъ противу истины.

Списокъ, доставленный Г. Квецкимъ состоитъ изъ куплетовъ: IV, XIV, XXIV, XXIX, XVI, XVII, XVIII,

XXXII, XXXIII, XXXIV, XXXV, XXXVI, XLI; XLII, XXVI, XXVII, XXVIII, XIX, L, LI, LIII, LIII.

Списокъ Максимовича: XIX, XIX, XX — XXI, XXII, XXIII, XXIV, XXVI, XXVII, XXVIII; далѣе слѣдуетъ:

Тѣлькѝ-жъ шая челядонька
На порогъ ступае:
Ажъ Микишка Пану Савѝ
Чѣломъ ощдавае.

Пошомъ: XXXIII, XXX; за эшимъ:

— Ой давъ-бы вамъ меду й вина,
Не хочете пиши;
Ой вы мене молодого,
Хочете згубиши.

Пошомъ: XXXVII; XXXVIII; наконецъ:

Ой кинеться ша Панъ Сава
До ясного меча. —
Его взяли на три списы

Изъ правого плеча.
Ой кинувся па Панъ Сава
До ясной зброи. . .
Его взяли па пiдняли
На три списы въ горi.
Опъ-се-жъ тобi, Пане Саво,
Сукнi, дамашки,
Що ты наживъ, вражiй сыну,
Зъ Козацькои ласки.
А Савиха молодая
Въ вiкно ушiкала,
На молоду челядоньку
Спильна поглядала.
Хапай, хапай, челядонько
Малую дiтину;
Будешъ жити й пановати,
Коли я не згину.
Не боишься Козаченько
Ни грому, ни тучи:

Хорошенько въ кобзу грае
До Савихи йдучи.

Сихъ послѣднихъ пяти куплетовъ не находится въ прочихъ трехъ спискахъ.

Третій списокъ состоитъ изъ куплетовъ: I, II, III, V, XIV, XV, XVI, XVII, XIX, XXIV, XXIX, XXX, XXXII, XXXVIII, XXXVIII, XXXVIII, XL, XLIII, XLIV, XLV, XLVI, XLVII, XAVIII, XLIX.

Четвертый списокъ: I, II, VI, VII, VIII, IX, X, XI, XII, XIII, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII, XX, XXI, XXIV, XXVII, XXVIII, XXX, XXXI, XXXIII, XXXIV, XXXV, XXXVI, XXXVII, XXXIX, XLI, XLIII, XLIV, XLV, XLIII, XLIX, L, LI.

12.

Доставлена И. В. Росковшенко.

вымъ въ спискѣ неполномъ; я добавилъ его другимъ спискомъ.

(II.)

Къ Думамъ.

1.

Списана мною со словъ Бандуриста.

2.

Имѣю два списка сей Думы: оба сдѣланы самимъ мною со словъ Бандуриста. Оба разнятся между собою только въ словахъ, исключая только одно мѣсто, которое находится въ одномъ изъ списковъ, а въ другомъ выпущено:

— Се вже спрамъ жйноцькій Козакйвъ подолйвъ. Хто-жъ ёго мйжъ насъ выгодовавъ? Хто-жъ его намъ передавъ? Якъ мы изъ Сулимою пйдъ Бакирь ходили, що й шодй хмары ша чвары насъ

до Турка водили; водили ша й до самого Турка провождали. То ни одинъ изъ насъ про хмару ша чвару не раховавъ, усякъ на Бога живйшъ свій покладавъ; не за хмару ша чвару Богу молитвы посылавъ; — Турка побиши моливъ, Турка піймаши прохавъ, — у Турка добычу взяши добыченьку Бога моливъ, ша за сее по три поклоны кожному свящому покладавъ, Машери Божіей ша Христу Ісусу Спасителю по девяти поклонйвъ. Опъ тодй наши й воёвали, на увесь свйтъ Божій свою славу розсылали, Ляхамъ себе увъ обиду не давали; тйлько Литвинамъ свои шаблюки казали, що Литвины не минуючи вшйкали. Опъ тодй наши й воёвали. Якъ вовки сйроманьцй по балкахъ ша по байракахъ блукали, зъ городищъ Ташаръ мовъ курчатъ изъ хле-

вовъ выганяли; ша ни про що й не дбали. Опъ-шодѣ наши й воёвали. Якъ були наши пѣдъ Сосницею, або пѣдъ Микишиною, ша якъ зъ самопалѣвъ одинъ разъ зевнули, шо Ляхи якъ быки ревнули; а якъ двѣчи пустили, шо въ рѣкахъ ша въ озерцяхъ шопили. Тамъ вони, кашолики, па вѣкъ и вшопали. Опъ-шоди наши й воёвали. —

Я пропустилъ здѣсь эшо мѣсшо пошому, что оно находится въ другой думѣ, которая будешъ помѣщена въ чешвертой книжкѣ: шамъ мѣсшо сіе имѣешъ связь съ предъидущимъ, и пошому, какъ мнѣ кажешся, должно ошшаться за шою думою. Въ думѣ-жъ о Серпягѣ прибавляешся оно, вѣроящно, по ошибкѣ.

3.

Списана мною со словъ Бандуриспа.

4.

Выписана безъ измѣненія изъ Собранія старинныхъ Малороссійскихъ пѣсней, Князя Цертелева. С.П.Б. 1818. 48 — 50.

5.

Выписана изъ Украинскаго Альманаха. 1831. стр: 124 — 131. Списокъ сообщенъ мнѣ А. Г. Шапгоцкимъ; я предпочелъ его другому, находящемуся въ Собраніи Стар. Мал. пѣсней Князя Цертелева. 21 — 25. Впрочемъ различіе между обоими списками очень не значительно.

6.

Списана мною самимъ со словъ Бандуриста. Для меня замѣчательна сія дума смѣшеніемъ рифмованной прозы, какая обыкновенно употребляется въ Запорожскихъ думахъ, съ пѣсенными

стихами, во все не приличными важной думѣ, по мнѣнію Бандуристовъ. Это дума представляетъ мнѣ почти единственный примѣръ подобнаго смѣшенія; впрочемъ, можетъ быть, стихи, въ ней заключающіяся, вставлены въ послѣдствіи. Пѣсня, которою дума оканчивается, поется и отдѣльно. Имѣю три списка сей пѣсни: одинъ доставленъ Г. Хиждеу, другой О. Сп. Евецкимъ, третій Ив. Вас. Росковшенковымъ.

Причина, — почему я пишу думы не стихами, какъ это сдѣлали Максимовичъ и К. Цертелевъ, а прозою, — будетъ для всякаго понятна, кто вникнетъ въ составъ слога думъ. Дума — не пѣсня, хотя и поется подобно пѣснѣ, подъ звуки бандуры; риѳмы въ думѣ не составляютъ необходимости,

а суть только роскошь, служащая къ большему украшенію выраженій, и придающая слогу болѣе плавности и благозвучія. Чѣмъ болѣе рифмъ, чѣмъ чаще рифмы, тѣмъ лучше слогъ думы: таково требованіе вкуса народнаго, таково правило народной піитики. Не такъ въ пѣснѣ, гдѣ и самыя рифмы подчинены правиламъ размѣра и употребленія, гдѣ рифмы необходимы. — Впрочемъ думы не произошли ли отъ пѣсень? Кто пѣлъ какую нибудь пѣсню, не зная оной твердо, — тотъ по необходимости прибавлялъ къ оной свои собственныя слова и выраженія, подъ ладъ своихъ словъ и выраженій измѣнялъ голосъ; пѣсенная правильность мало по малу терялась, и наконецъ совсѣмъ исчезла. Не могли-ли такимъ образомъ появиться думы? — Время и

обычай могли утвердить самобытность этого рода поэтическихъ произведеній народной Поэзіи Украинской.

NB. Большая часть списковъ пѣсень и думъ, здѣсь помѣщенныхъ, собраны мною въ Павлоградскомъ уѣздѣ Екатеринославской Губерніи, при помощи шамошней помѣщицы Екатерины Романовны Подольской, урожденной Шидловской, которой за ревностное участіе, ею принятое въ трудѣ моемъ, приношу мою глубочайшую благодарность. Очень многимъ обязанъ и Ѳедору Степановичу Евецкому, который, превосходно зная Украинскій языкъ, по дружбѣ ко мнѣ, изъяснялъ мнѣ многія непонятныя выраженія, и снабжалъ мѣстными преданіями.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе 4

ПѢСНИ:

1. Надгробная пѣснь Свирговскому 27
2. Вторая надгробная пѣснь Свирговскому 31
3. Убіеніе Серпяги . . . 33
4. Надгробная пѣснь Серпягѣ . 34
5. Сожженіе Могилева . . 36
6. Убіеніе Наливайка . . 38
7. Отступникъ Тетеренко . 42
8. Убіеніе Тетеренка . . 49
9. Подвиги Лободы . . 53
10. Походъ Сагайдачнаго . 58
11. Подвиги Савы Чалаго . 60
12. Надгробная пѣснь Чураю . 74

ДУМЫ:

1. Дары Башорія. Смерть Богданка 77

2. Ташарскій походъ Сернина . 82
3. Битва Чигринская . . 86
4. Смерть Ѳедора Безроднаго . 91
5. Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова 94
6. Походъ на Поляковъ . . 102

ЗАМѢТКИ:

(I) Къ пѣснямъ . . . 110
(II Къ Думамъ . . . 125
NB. 129